

От автора

Как часто мы позволяем себе радоваться? Повеселиться, подурачиться, сходить на ни к чему не обязывающее свидание, потратить все деньги только на себя, погулять на свадьбе незнакомому человеку, простить все обиды старому врагу, взять да и отправиться в путешествие на велосипеде прямо посреди рабочей недели — всё это может звучать как абсурд, как что-то запретное. Мы нечасто способны на такие вещи. Зато накрутить себя не менее пустяковой ерундой — всегда пожалуйста!

Эта книга напомнит вам, как один случай может перевернуть всё с ног на голову и вернуть вкус к жизни. Так и произошло со старушкой, которую угнали вместе с машиной и повезли кататься на аттракционах. Удивительно, не правда ли? А что скажете насчет обычной куртки, восстановившей давно утерянную родственную связь? Или об автомобильной аварии, плавно перетекшей в собеседование?

Если оглянуться вокруг и как следует присмотреться, то можно найти столько сюжетов, что дыхание начнет перехватывать. И не стоит вечно ждать, пока на прилавках судьбы появятся хорошие новости. Нужно эти новости искать самому. А если не выходит найти, то обязательно нужно пробовать их создавать, как это делают герои моих рассказов. Они вам подскажут — нужно только открыть книгу и начать читать.

Участковый Рыбов

День у Рыбова начался как обычно. Сначала поссорился с Люсьен. Она опять просила Рыбова остепениться, стать примерным семьянином, жить в согласии и любви, сколько получится. В душе-то она, конечно, прекрасно понимала, что Рыбов — сволочь. Циничная, красивая сволочь. Он — как тысяча рублей. Ты можешь сколько угодно считать ее своей, но отдавать другим рано или поздно все равно придется.

Сегодня намечалось общее собрание, на которое Рыбов должен был прийти в качестве независимого консультанта. На повестке дня стояла грядущая зима. Нужно было решать: где, с кем и как. Рыбову, по большому счету, было глубоко фиолетово. Когда ты дожил до шести лет на улице, зимовка считается временным неудобством, а не концом света, как это постоянно преподносят первогодкам старики.

Позавтракав из консервной банки возле магазина «Красное&Белое» заветрившейся сайрой, которую раз в день выносила продавщица Оля, Рыбов потрусил в сторону теплотрассы. По дороге он проводил осмотр территории: проверял наличие чужаков, общался с дворовыми псами, отгонял от своих прикормленных мест наглых мышей и во-

рон — словом, следил за порядком, как самый настоящий участковый.

— Кс-кс-кс, — потянулся к Рыбову какой-то нетрезвый дядечка, за что тут же получил по рукам и щекам когтями.

Кыскасть Рыбову могла только Анна Антоновна, давшая коту его имя. Женщина появлялась на улице три раза в неделю, и для всей местной фауны это был настоящий праздник. Она знала каждого кота, каждого пса, каждого голубя, воробья, мышонка, галчонка. Всем им она дала имена, и все они ели из ее рук. Вот только Анны Антоновны не стало полмесяца назад, и если люди вокруг не заметили ухода этого невзрачного маленького человека, то животина сильно тосковала.

Проскочив мимо колес таксиста, проигнорировав лазерную указку Вани Федорова, светившего коту из окна, и отсалютовав домашним обморокам (так Рыбов называл своих собратьев, обитавших в квартирах), он достиг школьного двора. За школой, в полуметре от земли, вдоль старого металлического забора тянулись две обглоданные коррозией трубы теплотрассы. Там, в тени старой осыпавшейся рябины, и проводилось собрание.

— Как вы знаете, с уходом Анны Антоновны у нас возникли дополнительные сложности с провизией, — донесли до Рыбова слова старого, побитого жизнью и лишаем одногоглазого кота по имени Михаил Илларионович. Назван кот был в честь великого полководца Кутузова. — Посему предлагаю на время зимних невзгод делить довольствие между кошками и собаками, строго соблюдая режим питания.

Воздух сотряс недовольный гул и улюлюканье. Проходящий мимо дворник решил, что у животных намечается потасовка, и на всякий случай кинул в них палкой. Через минуту собрание возобновилось.

— Я с этими собаками сутулыми из одной площадки жрать не стану, — сплюнул по-кошачьи дымчатый кот Блинов.

— А ваше величество никто к столу приглашать и не собирается, — обиженно гавкнул из-под трубы пес по имени Трус.

Среди присутствующих Рыбов заметил нескольких родственников.

— Чего неумытый? — дал Рыбов одному из котов подзатыльник.

— А ты что, решил-таки воспитанием заняться? — огрызнулся тот в ответ. — Раньше надо было, пока мать тебя домой звала. А то ходил всем подряд под хвост заглядывал, пока мы голодали...

Тут от Рыбова прилетел второй подзатыльник.

— Слышь, несчастный, твоих братьев и сестер разобрали как горячие беляши! Нечего было огрызаться и царапаться.

— Так их, может, на беляши и разобрали!

— Ага, видел я эти беляши разомлевшие. Брат твой в форточку не помещается, сидит целыми днями мух своей раскормленной мордой смешит. Короче, чтоб умывался нормально, а то заразу будешь тут разносить, — давал свои наставления Рыбов.

Дальше было распределение по подвалам, подъездам, чердакам. Рыбова попросили провести краткий инструктаж, где искать проходы и как выпрашивать еду возле подъездов.

Рыбов смотрел на этих несчастных и собирался как минимум троих пристроить в добрые руки. Он бы и сынка своего пристроил, если бы тот не перечил. Были у кота свои трюки и схемы. Он выслеживал самых лояльных шкетов (детей), пенсов (пенсионеров) и в нужный момент нападал на одного из сородичей. Главное, играть надо было как можно натуральнее и желательно оттяпать актеру половину уха. Агрессора в итоге изгоняли, побитую животину брали на поруки, а тот выплачивал Рыбову дивиденды. Иногда такое срабатывало даже с собаками. Рыбов смог пристроить

пару дворняг, но драться приходилось в полную силу. Так у Рыбова появилась целая сеть столовок, на которые он мог спокойно рассчитывать в трудную минуту.

Сам он не собирался перебираться в квартиру. На воле было слишком хорошо и просторно. Разгул, разврат, раздолье — что еще нужно для настоящего романтика.

Но сегодня всё изменилось. После собрания Рыбов намеревался заглянуть к своей знакомой породистой кошке Матильде фон Грас. Путь к ее дому пролегал мимо старых железных гаражей, где Рыбов и почувствовал неладное. Кто-то кричал — негромко, противно и очень печально.

Рыбов не мог пройти мимо: должность участкового кота не позволяла. Прошмыгнув через кусты, он вышел к задней части старого покосившегося гаража, где и находился источник шума.

— Мать моя кошка Шредингера! — выругался участковый. — Не знал, что они своих котят тоже выкидывают.

Рыбов смотрел на завернутого в какие-то тряпки младенца. Тот громко плакал, и плакал, и плакал... И больше ничего не делал.

— Да не ори ты, уши болят! — мявкнул кот на ребенка, и тот мгновенно умолк: Рыбов хоть и кот, но его авторитет уважали все, даже новорожденные люди. — Так, надо что-то делать, не оставлять же это на моей территории, — размышлял Рыбов, но стоило ему отойти, как ребенок тут же начинал реветь. — Ох, свалился же на мою голову, — вернулся к младенцу кот. — Короче, лежи тут пока, я сейчас что-нибудь придумаю.

Рыбов побежал прочь. В голове его вертелись различные планы. Вплоть до того, чтобы самостоятельно вырастить человека. «Свой собственный Маугли. Гроза железных гаражей» — Рыбову эта идея показалась интересной. Он мог бы воспитать себе целую колонию таких вот котов-детей и жить как сыр в масле, но быстро отбросил эту затею как нереалистичную.

Добежав до домов, кот бросился к знакомым бабкам и, пытаясь привлечь к себе внимание, начал кусать их за ботинки. Но те лишь пинались и называли его идиотом. Потом кот схватил зубами какую-то пустую консервную банку и начал ею выбивать азбуку Морзе по асфальту, но никто не реагировал.

— Неучи! — ругался Рыбов.

Он мяукал, орал, носился кругами и разве что не кувыркался через голову, но тщетно. Люди смотрели на него и смеялись, а кто-то предлагал вызвать службу отлова животных, заподозрив у Рыбова бешенство.

— Сами вы бешеные! Там ваш аналог малометражный погибает, пойдем! — звал Рыбов, но никто его не слышал.

Помог старый знакомый.

— О, Трус! Выручай! — позвал кот пробегающего мимо дворового пса.

— Некогда мне, я на свидание опаздываю, — не поворачивая головы, бросил Трус.

— Я тебе свидание с курицей гриль устрою, если сможешь.

Не сбавляя темпа, пес сменил траекторию и теперь бежал рядом с Рыбовым.

— На такую альтернативу я согласен.

Обрисовав ситуацию, кот состряпал на ходу грубый план: Трус должен был загнать какого-нибудь человека в гаражи, а там всё само собой сложится.

— Ты же понимаешь, что меня Трусом не просто так прозвали? — напомнил Рыбову пес.

— Пора отдать долг родине, бери волю в лапу и действуй. Либо так, либо курицу гриль жевать другому, — подбадривал Рыбов товарища.

Вместе они отыскивали подходящую жертву — молодую смазливую девушку в длинной куртке, за которую удобно было ухватиться.

Девушка визжала еще громче, чем младенец.

— Ыбов, я не мову, у меня фейчаф уфы офвянут, — жаловался Трус, когда тянул несчастную за куртку в сторону гаражей.

— Терпи, гад! Курица гриль, курица гриль! — напоминал кот условия сделки.

Кое-как, с горем пополам, с лаем и шипением они вдвоем смогли затащить бедную девушку в гаражи. Там-то на помощь бедняжке и подоспело несколько мужиков, надавав Трусу по ребрам острыми носами своих ботинок.

— Рыбов, скотина, одной курицей не отделаешься! — взвыл от обиды Трус, убегая в кусты.

— Не ссы, сочтемся, — проводил его взглядом Рыбов.

— Слышите? — обратилась девушка к своим спасителям. — Тут вроде где-то ребенок плачет.

— Это пес воеет, которого мы прогнали, — отмахнулся один из мужиков.

Люди собирались разойтись, но тут подключился Рыбов. Он опять начал скакать, мяукать и требовать пойти с ним. Ему, конечно, хотелось всем этим тугодумам указать совсем другое направление, но он не сдавался и показывал на гараж.

— Да я вам говорю, кто-то плачет, — сказала девушка и, словно почувствовав мысли Рыбова, пошла за ним. — Котик, ты мне хочешь что-то показать, да?

— Нет, блин, у меня игривое настроение! — бурчал уставший Рыбов.

Когда они дошли до места, девушка ахнула и потянулась к телефону. Малыш уже терял последние силы, но продолжал кричать. Правда, стоило ему заметить Рыбова, как он тут же умолк.

— Молодец, шкет, быстро учишься! — похвалил кот своего Маугли и прильнул к нему.

— Ой, да вы уже прям настоящие друзья! — улыбнулась девушка, поднимая ребенка на руки. Но как только он оказался на расстоянии от Рыбова, тут же начал плакать.

— Цыц! — скомандовал с земли Рыбов, и младенец умолк.

— Придется вас обоих забрать.

Схватив kota второй рукой, девушка подняла его над землей.

— Стой! Куда! У меня там Матильда фон Грас! — вырвался Рыбов.

Девушка отпустила kota, но далеко убежать он не смог, потому что ребенок снова начал горько плакать.

— Ладно, ладно, подожду с вами скорую... — сдался Рыбов.

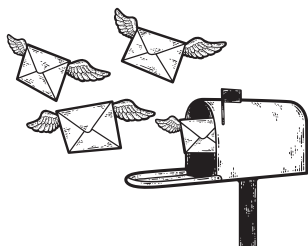
Младенец никого не слушал, на укачивания и убаюкивания не реагировал и переставал плакать, только когда рядом был Рыбов. Кот доехал с ними до больницы, ждал вместе с девушкой результатов обследования. Затем как-то так сложилось, что эта мадам пригласила Рыбова к себе домой, накормила, уложила спать. Кот не сопротивлялся, решив, что погостить некоторое время возле теплой батареи, питаясь кормом премиум-класса из постоянно наполненной плошки, не так уж и плохо. Кроме домашних мух, у девушки имелся домашний муж по имени Анатолий, который как-то очень профессионально чесал Рыбову бока.

Кот решил остаться. К тому же через некоторое время в доме появился и спасенный ребенок. Молодая семья решила его усыновить и, несмотря на критику Рыбова, дала ребенку имя Арсений.

Но одомашниваться окончательно Рыбов не собирался. Он же не обморок, в конце концов, а местный блюститель порядка. На нем лежит большая ответственность за вверенные территории. Посему ежедневно утром кот уходил на обход, а вечером возвращался «с работы» уставший, голодный и немного злой, как и полагается участковому.

Со временем Рыбов смог пристроить к себе в новый дом и сына. Жизнь налаживалась.

Худшее место на земле

В ежегодном рейтинге лучших деревень Поганово всегда занимало последнюю строку. Хуже места трудно было себе представить. И всё из-за менталитета местных жителей. Люди и звери там были настолько неприветливые, что даже перелетные стаи и самолеты делали крюк, лишь бы не попасть в зону этих негативных вибраций.

Поганово годами пытались стереть с карты и вычеркнуть из истории государства, но каждый раз оставляли, чтобы на его фоне остальные деревни выглядели более выигрышно.

Паша Моторов попал в оценочную комиссию случайно. Хитрый старый друг попросил подменить и вместо него съездить в Поганово. Товарищ забыл упомянуть, что деревня считается эпицентром вселенского зла, зато сказал, что по правилам для точной оценки нужно прожить там минимум двое суток и обойти ее вдоль и поперек.

Обычно представитель комиссии не продвигался дальше первого дома, а общее время пребывания в Поганово составляло в среднем три минуты. Но у Моторова начинался отпуск, который он ждал целый год. И раз уж так совпало...

Удивительно, но дорога до деревни оказалась весьма сносной, даже разметка была видна невооруженным глазом. Лишь на въезде Моторов заметил несколько противотанковых ежей, раскатанные трактором колеи и пару огромных луж неизвестной глубины, в которых плавали пластиковые бамперы. К счастью, Моторов приехал на скутере и легко преодолел все препятствия.

Встречал Пашу глава сельского поселения — хмурый мужчина в черной рубашке, с темным загаром и абсолютно мрачным выражением лица. От мужчины за километр несло раздраженностью. Еще на подъезде к деревне он сбил с Моторова панаму выстрелом из пневматического ружья.

— Добрый день. Не стреляйте... пожалуйста, — робко помахал Моторов целившемуся в него мужчине.

— Чего надо? — послышалось в ответ.

— Да вот, приехал с оценочной миссией к вам, — стараясь не терять самообладания, объяснил Моторов.

— А-а-а, так это ты из идиотской комиссии? Мы тебя ждали. Вернее, не ждали, — убрал ружье глава. — Ну что ж, пойдем, покажу тебе тут всё. Меня, кстати, Аркадий Семенович зовут.

— Павел, — представился Моторов.

— Прежде, чем мы начнем, ответь: у тебя все прививки сделаны?

— Ой, вы знаете, я не сторонник всех этих вакцин... А что, у вас тут эпидемия какая ходит?

— Бывает, да, — задумчиво кивнул глава. — Слышал когда-нибудь про бубонную чуму?

— Скажете тоже, — нервно хихикнул Моторов. — Это же шутка, так?

На суровом лице Аркадия Семеновича не дрогнул ни один мускул.

— Ладно, показывайте, что тут у вас.

— Пошли, — грубо скомандовал глава поселения.

Моторов чуть ли не бегом последовал за женщиной, который быстро зашагал вперед.

— Добрый день, Лариса Ивановна! — окликнул Аркадий Семенович какую-то женщину за невысоким забором.

— Идите куда шли, — послышалось в ответ.

— Не забудьте, к вам сегодня мой сын придет.

— Не вижу смысла. Он безнадежен — весь в родителей. Одним словом, бестолочь!

— Наша местная учительница начальных классов. Летом иногда мы к ней водим детей на дополнительные занятия, — пояснил Аркадий Семенович, и Моторов удивленно кивнул. — А это мой дом, — показал глава на двухэтажную бревенчатую постройку с бойницами вместо окон, огражденную забором из сетки-рабицы с колючей проволокой поверху. На калитке Моторов заметил табличку: «Держите своих злых собак при себе. Забор под напряжением».

Пока они прогуливались, Моторов чувствовал на себе десятки косых взглядов, от которых поджилки тряслись. Косились взрослые, косились дети, бабушки на скамейках. Даже коровы и куры смотрели с таким презрением, словно перед ними разгуливал продукт их собственной жизнедеятельности.

То тут, то там Моторов видел и слышал, как люди пререкаются друг с другом. Кто-то кидал камни соседу через забор, другие плевали возле чужих ворот.

— Скажите, а как тут у вас с досугом? Чем занимаются местные жители в свободное время? — решил провести короткое интервью Паша.

— Есть библиотека.

— Отлично. Покажете?

— Она закрыта.

— Мало книг?

— Много драк. Что ни день — то разбитый нос или сломанное ребро. Вкусы, знаете ли, у всех разные.

— Понимаю, — кивнул Паша. — А еще?

— Мы как раз пришли. Вот, это наша центральная деревенская площадь и самая популярная достопримечательность и развлечение — позорный столб, — гордо заявил глава.

— Весело, — совсем невесело сказал Паша. — А кто это в колодках? — спросил он, разглядывая закованного человека.

— Это наш единственный врач, Андрей Иванович.

— Врач?! Разве так можно? За что вы его?

— Потому что он своим примером должен людей к выздоровлению мотивировать, показывать, что здоровым быть хорошо. А он с температурой по деревне ходит, — совершенно невозмутимо ответил глава.

— Сам виноват, — грустно подтвердил врач.

Паша не мог поверить собственным ушам: в этой деревне жили сплошь изверги.

— Слева у нас сельский магазин. Отравиться там можно даже солью, — отвлек его от мыслей Аркадий Семенович.

— Магазин — это отлично. В горле пересохло, надо бы холодненького лимонадику купить, — обрадовался Моторов.

— Ли-мо-на-ди-ку? — Аркадий Семенович посмотрел на Пашу, как на мазохиста.

— Ну-у да, он же там продается?

— Не знаю. Я там только крысиный яд покупаю, — пожал плечами глава.

Войдя в магазин, вместо звука дверного колокольчика Паша слышал щелчок оружейного затвора.

Внутри никого не было видно. На маленьких прилавках ютились упаковки крысиного яда, соль, сода, спички, какие-то макаронные изделия и крупы. В одном небольшом холодильнике сталагмитами стояли упаковки вросшего в дно мороженого, а в другом Паша увидел бутылки, с этикеток

которых на него смотрели уставшие глаза престарелого Буратино. Моторов на всякий случай потер веки, чтобы убедиться, что ему не мерещится.

— Зачем пришли? — раздался откуда-то замогильный женский голос. (Моторов подумал, что голос донесся из ада.)

— За ли-мо-на-ди-ком, — еле слышно прошептал Паша, проглотив комок в пересохшем горле.

— Лимонада нет, — отрезала продавщица, которую по-прежнему не было видно.

— Так вот же, «Буратино», — показал Моторов на холодильник.

— Это морилка для дерева.

— Хорошо, дайте мне газированной минералки.

— Нету.

— Дайте без газа.

— Тоже нету.

— А что есть?

— Уксус.

— Да что у вас с клиентоориентированностью? — возмутился Паша.

— У нас тут не выражаются. Либо берите уксус, либо уходите.

— Картой можно?

— Не принимаем.

— Хорошо, вот наличка, — протянул Паша купюру.

— Сдачи нет. Вот вместо нее, — вылезла откуда-то из темного угла дородная женщина и протянула бутылку уксуса и кулек засохших карамелек. — И пакет возьмите.

— Спасибо, я в руках донесу, — вежливо отказался Паша.

— Я говорю, мешок с мусором возьмите, выбросите за углом на помойке, — всучила женщина Моторову вонючий пакет и взглядом указала на выход.

— Где я могу остановиться на ночь? — спросил Моторов у главы поселения.

— На ночь? — удивился тот.

— Ну да. У нас по правилам нужно оценить все стороны гостеприимства.

— Понял вас, идемте. Переспите у нашей ведьмы Ларисы.

— Вы что, специально издеваетесь?

— И не думал. У нее, между прочим, лучший дом, единственный, который сдается на «Букинге».

Аркадий Семенович вел Моторова по самым обветшалым и темным закоулкам. Везде царили уныние и сплошная разруха, среди которой местное кладбище выглядело как залитая солнцем прекрасная поляна. По дороге глава поселения посылал каждого встречного к черту, а в ответ ему прилетали угрозы.

— Вечеринки и распитие запрещены, — с ходу заявила ведьма Лариса, увидев в руках Паши уксус и карамельки.

Ужин Моторову не предложили, а постель приготовили в самом захламленном углу. Ночь была еще хуже, чем день. Через открытые окна с улицы постоянно доносился крепкий мат и какая-то возня. Ведьма за стенкой во сне сыпала проклятиями, и даже животные в хлеву, казалось, пререкаются друг с другом.

Моторову не спалось. Желудок сводило от голода, а страх за собственную жизнь не давал глазам сомкнуться. Хуже отпуска и представить было сложно. Паше было ужасно жаль так бездарно терять драгоценные дни. Вспомнив, что он видел в сенах несколько удочек, Моторов решил, что раз уж такое дело, то он должен сходить хотя бы на рыбалку. Обувшись и тихо прошмыгнув мимо Ларисы, он взял снасти и побрел на выход.

Поганово уже успокоилось и мирно спало, ожидая нового, переполненного ненавистью и болью дня. Спрятав на всякий случай свой скутер за сараем, Паша прошел через огород и вылез через дыру в заборе.

Речка встретила Моторова прохладой и приятным шумом течения. Ночь была звездная, воздух пах сладкой травой и мёдом, а в воде плескалась рыба.

«А хорошо все же в деревне. Речка тут — просто загляденье, да и в целом пейзажи хороши, — думал Паша, закидывая удочку. — Даже жаль, что придется поставить Поганово один балл из ста».

Вернулся Моторов ближе к обеду, когда жизнь в деревне уже кипела. Еще не успев попасться никому на глаза, он краем уха услышал разговор Ларисы и Аркадия Семеновича.

— Сбежал посреди ночи, не выдержал, — сказала ведьма.

— Слава богу. Я уж испугался, что ему тут нравится начинать, раз решил на ночь остаться, — облегченно выдохнул Аркадий Семенович. — Спасибо тебе, Лариса Андреевна, с меня торт — как и обещал.

— Вам спасибо, Аркадий Семенович, что заранее обо всем предупреждаете. Хорошего дня!

«Это еще что за манерности?» — удивился про себя Моторов, слыша нехарактерные для Поганово любезности. Он решил еще понаблюдать за деревней, оставаясь незамеченным.

Перебежками он осмотрел округу. Тот путь, которым вчера вел его глава до дома Ларисы, сильно отличался от остальных улиц. Красивые, ухоженные домики и участки аккуратными рядками стояли слева и справа. Всё тут так и кричало об уюте и простой деревенской красоте. Но не это было самым странным. Люди дружелюбно приветствовали друг друга, желали хорошего дня, приглашали в гости и предлагали помощь.

Из сельского магазина выходили местные жители с пакетами, переполненными продуктами, а на «позорном столбе» висел плакат: «Добро пожаловать на ежегодную ярмарку!»